

Воплощенный идеал умеренности

Ольга Юрьевна Артемова

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; Российский государственный гуманитарный университет: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

Рецензия на: *Sutton P., Walshe K. Farmers or Hunter-gatherers? The Dark Emu Debate (=Саттон П., Уэли К. Земледельцы или охотники-собиратели? Споры о «Темном Эму»).* — Melbourne: Melbourne University Press, 2021. — 264 p.

Публикуется в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Дата поступления статьи: 7 ноября 2021 г.

Дата публикации: 25 ноября 2021 г.

Для цитирования: Артемова О. Ю. Воплощенный идеал умеренности. Рец. на: *Sutton P., Walshe K. Farmers or Hunter-gatherers? The Dark Emu Debate (=Саттон П., Уэли К. Земледельцы или охотники-собиратели? Споры о «Темном Эму»).* — Melbourne: Melbourne University Press, 2021. — 264 p. // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 161–168.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.014>

Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем.

Первое послание к Тимофею 6: 6–8

В 2014 г. в Австралии вышла книга известного публициста, литератора и общественного деятеля, имеющего среди своих предков аборигенов из этнокультурных общностей *бунуронг* (Виктория) и *палава* (Тасмания), Брюса Паскоу, названная им «Темный Эму: черные семена: агрикультура или случайность?» [Pascoe 2014]¹. Написанная живо, эмоционально и увлекательно, снабженная хорошими иллюстрациями, эта книга быстро завоевала огромную популярность и симпатии широкой, либерально настроенной

австралийской публики и получила несколько престижных наград. В 2018 г. книга была издана вторично, ей посвящено немало рецензий в научных изданиях и откликов в средствах массовой информации, на ее основе создан документальный фильм, напечатана версия для детей и подростков и т.д. Но у целого ряда видных профессиональных антропологов и археологов эта книга вызвала серьезные возражения академического свойства, а также и претензии этического характера. Эти ученые тоже высказывались в на-

¹ *Темный Эму* — это, по-видимому, аллюзия на космогонический миф аборигенов этнокультурной общности *вирадьюри*, в котором фигурирует созвездие Эму. Не исключено, что это еще и аллюзия на истребленную в начале XIX столетия эндемичную птицу Южной Австралии — черного эму.

учных изданиях и средствах массовой информации, поклонники Б. Паскоу им отвечали, и все это получило наименование «Споры о Темном Эму».

Питер Саттон, социальный антрополог и лингвист, исследователь с более чем пятидесятилетним профессиональным стажем, широчайшей эрудицией и огромным опытом полевой работы среди аборигенов, а также видный австралийский археолог Керин Уэлш проанализировали содержание книги Паскоу в скрупулезной и уникальной по охвату фактического материала морфологии, о которой я и хочу рассказать в предлагаемой публикации. Подчеркну особо, что Питер Саттон не просто вел полевые исследования в сообществах аборигенов различных районов Австралии, но и был принят как родственник в одну из семей этнокультурной группы *вик* (полуостров Кейп-Йорк) и около десяти лет разделял ее жизнь: охотился и ловил рыбу в буше, организовывал снабжение промышленными товарами, медицинскую помощь и образовательную деятельность, растил своего сына вместе с детьми аборигенов, скорбел их скорбями и радовался их радостям.

Основной пафос книги Брюса Паскоу сводится к тому, что — в противовес общераспространенным представлениям — ко времени прихода европейцев на австралийский континент его коренные жители не были «просто бродячими охотниками и собирателями, оппортунистически присваивавшими» то, что предлагала им природа, но создали настоящее производящее хозяйство — агрикультуру (растениеводство) и аквакультуру (разведение рыбы и моллюсков в искусственных водоемах и т.п.), изготовляли муку и пекли хлеб, консервировали рыбу и иную еду, делали запасы, строили основательные жилища, имели крупные оседлые или полуседлые поселения (Паскоу называет их деревнями, а некоторые даже городами — *towns*), шили одежду и обувь, творчески преобразовывали природные ландшафты, орошали и удобряли свои

поля и даже возводили мегалитические сооружения. Их прогрессивное развитие могло бы повести к формированию цивилизации в общепринятом значении этого слова, если бы не приход колонизаторов, которые не только отняли у большинства коренных жителей континента исконные земли, не только уничтожили многих из них физически (прямым кровопролитием или привнесением неизвестных ранее болезней), но даже в буквальном смысле «затоптали», стерли с лица земли — отдав ее овцам и коровам, распахав под поля, застроив городами, промышленными предприятиями, шоссевыми дорогами и т.п. — почти все следы многотысячелетней созидательной деятельности «первых австралийцев»². Поэтому в настоящее время свидетельства былого материального процветания аборигенов приходится восстанавливать по крупицам, опираясь на отдельные воспоминания английских, ирландских и шотландских «землепроходцев» и миссионеров конца XVIII — начала XIX столетия, а также изучая плохо сохранившиеся археологические памятники. При этом, по утверждениям Паскоу, не только ранние путешественники и переселенцы, заинтересованные в захвате богатых земель и иных ресурсов южного материка, замалчивали культурные достижения реальных хозяев Австралии и усиленно рисовали их «жалкими дикарями», но и ученые, в том числе профессиональные антропологи и археологи, не исследовали и не освящали должным образом уникальные культуры австралийских аборигенов. Да и до сих пор почти не делают этого должным образом.

Профессиональные антрополог и археолог — П. Саттон и К. Уэлш — хотя полностью и не отрицают ценности работы Б. Паскоу, все же весьма жестко опровергают значительную часть его утверждений, а также аргументации, и безжалостно выставляют его человеком антропологически и археологически необразованным, отсталым в теоретическом отношении (не ушедшим

² В современной Австралии первыми австралийцами — *the First Australians* — принято называть аборигенов, в отличие от пришельцев из Европы, как бы «вторых» австралийцев. Это словосочетание вынесено в заглавие выдержавшего множество изданий капитального труда выдающихся австралийских антропологов Р. и К. Берндтов, посвященного традиционной культуре аборигенов, — *The World of the First Australians* (Мир первых австралийцев); оно присутствует в названиях многочисленных популярных публикаций и кинофильмов о них.

дальше эволюционизма позапрошлого столетия), выдающим за новые давно известные профессионалам факты, тенденциозно подбирающим материал, неадекватно и сплошь и рядом недобросовестно цитирующим источники, склонным к преувеличениям, которые порой доходят до смешного, и, наконец, человеком, лишенным уважения к академическому знанию и даже таких элементарных качеств, как авторская этика и литературный вкус.

Главы, написанные Питером Саттоном, — а они преобладают в книге — это гимн трудам нескольких поколений социальных антропологов и археологов, глубоко сочувствовавших аборигенам и ведших на протяжении более чем столетия тяжелую, самоотверженную полевую работу, это и поистине кладезь информации, а также ярких идей. И еще это — образец академической смелости, преданности фактам вопреки конъюнктуре. Саттон и Уэлш бескомпромиссно отстаивают позицию, которая в современном публичном дискурсе Австралии не только не модна, но может восприниматься как консервативная и даже не вполне идеологически корректная по отношению к обездоленным и униженным «первым австралийцам». Авторам рецензируемой книги явно не приходится рассчитывать на симпатии широкого читателя, хотя обращаются они именно к нему. Авторы идут также на риск вызвать негодование самих аборигенов — из числа тех из них, кто включен в общественно-политические почвеннические движения. А таких немало, и голоса их сегодня громко звучат в Австралии, да и за ее пределами.

Позиция Саттона и Уэлш невыгодна еще и потому, что она сугубо негативна. Доказывать отсутствие чего бы то ни было несравненно труднее, чем наличие. В последнем случае достаточно отдельных примеров и последующей фразы «так было повсеместно» (ее регулярно повторяет Брюс Паскоу), в первом же — формула «нет свидетельств», каким бы количеством этнографических описаний она ни подкреплялась, всегда оставляет некий зазор, который не исключает последующего заполнения. Как отмечает сам Саттон, отсутствие

данных о явлении не есть доказательство отсутствия явления (с. 86).

Авторы рецензируемой книги настаивают на том, что в доколониальной Австралии и в Австралии аборигенов, которые продолжали вести традиционное хозяйство в период колонизации, охота, собирательство и рыболовство были единственным источником средств к существованию, но при этом они имели чрезвычайно изощренные, эволюционно специфические формы и сопрягались с продуманным и эффективным преобразованием природных условий, направленным на приумножение, а также повышение качества ресурсов, на облегчение доступа к ним. Стратегии, выработавшиеся для достижения всего этого, чрезвычайно различны у населения разных районов континента, что определялось не только экологическими различиями, но и вариативностью изобретательности человеческого интеллекта. Обширная аргументация Саттона основывается только на солидных академических источниках. Он суммирует свою позицию в формуле «охотники — собиратели — плюс». «Плюс» — короткое слово, но в него вложено большое содержание.

Как это хорошо известно, повсюду на континенте аборигены регулярно, по сложным ландшафтным и сезонным схемам, выжигали леса и саванны, и эта деятельность столь благоприятствовала улучшению почв, увеличению количества солнечной энергии на единицу площади, обновлению растительности и благоденствию животных, что ее теперь принято называть «земледелием с головешкой в руках»³. Спорадически в разных районах страны аборигены рыли каналы и отводили воду из рек и ручьев для орошения засушливых почв; строили запруды и плотины, чтобы создать резервуары для рыбы и моллюсков; стимулировали процессы гниения в стволах деревьев, чтобы там плодились съедобные личинки и насекомые; переселяли материковых животных на острова, где те прежде не водились, чтобы они размножились и стали охотничьей дичью; переносили семена, клубни и корни съедобных растений туда, где их раньше не было,

³ Выражение Риса Джонса, об этой традиции опубликована статья на русском языке [Артемова 2020].

и закапывали в почву; во время священных обрядов посыпали землю семенами или раскладывали кучками, а потом лили на них воду и т.п. Можно встретить сообщения о женщинах, которые ломали ветки цветущих кустарников в одних местах и несли их в другие, чтобы закрепить на деревьях, где дикие пчелы устраивали себе гнезда, а также сообщения о мужчинах, которые выкапывали молодые деревья и снова закапывали их, но кронами вниз, чтобы через год выросли крепкие и прямые побеги, которые были особенно хороши для изготовления копий... Эти и многие иные хитроумные способы усовершенствования присваивающей системы жизнеобеспечения, утверждает П. Саттон, чем-то были похожи на приемы земледелия и животноводства, но таковыми не являлись, потому что применялись не систематически, а от случая к случаю, от места к месту, не вели к доместикации природных видов и не требовали оседлости, без которой нет настоящего производящего хозяйства.

В сущности, добавлю от себя, коренные австралийцы лишь помогли природе делать свое дело, чтобы взять у нее ровно столько, сколько нужно для удовлетворения весьма скромных материальных запросов и создания особого, специфического именно для их культуры, духовного комфорта, залогом которого были сложная религиозная активность, художественное творчество и увеселительные праздники-корробори. Этим занятиям отдавалось куда больше времени и усилий, чем утилитарной деятельности.

Аборигены умели строить жилища, надежно защищавшие от холода, ливней и снега, но делали это только там и только тогда, когда без этого нельзя было обойтись. Они умели искусно шить одежду из шкурок животных, но она была в ходу только в холодных краях. Они умели изготавливать каменные зернотерки и молоты муку из семян дикорастущих злаков, но развили эту практику только в тех районах, где имелся природный материал... Словом, их экономическую культуру пронизывало то, что Н. Питерсон назвал принципом «минимизации усилий» [Peterson 1993]. А мне хотелось бы добавить еще и принцип «умеренности желаний», о чем, конечно, уже немало писали раньше.

Некоторые исследователи, в частности у нас А. Н. Максимов еще в конце 1920-х гг., в Австралии Рис Джонс в конце 1960-х [Максимов 1929; Jones 1969], считали, что технологически аборигены Австралии были абсолютно готовы к интенсификации присвоения (когда хозяйственная деятельность нацелена на обретение регулярного избыточного продукта) и последующему переходу к искусственному воспроизведению ресурсов. Для этого им оставалось сделать всего лишь шаг. Саттон категорически несогласен. Не всего лишь шаг, а кардинальный прорыв потребовался бы им — полная перестройка всей системы мировоззрения, всей выкристаллизовавшейся многим тысячелетиями философии жизни (с. 74). Они были безраздельно преданы именно своей хозяйственной парадигме и упорно отстаивали ее, во все времена и во всех местах: на Кейп-Йорке, испокон веков имея пример земледельцев-островитян Торрезова пролива, с которыми взаимодействовали и от которых многое заимствовали в изобразительном и музыкальном творчестве; в Арнемленде, где с XV столетия индонезийские ловцы трепангов безуспешно пытались приохотить аборигенов к огородничеству, но сумели оставить им лишь немало своих генов; и, наконец, по всей Австралии, когда европейские миссионеры и администраторы стремились — сплошь и рядом насильственно, но безрезультатно — превратить аборигенов в земледельцев. При этом аборигены успешно воспринимали и воспринимают множество европейских культурных достижений, не вступающих в конфликт с их мировоззрением.

Это мировоззрение пронизывает их религию, мифологию и обряды, которым Саттон посвятил отдельную обширную главу. В ней он показывает, что при всем разнообразии форм проявления космогония, религиозная философия и культуры аборигенов выражали одно и то же устремление к поддержанию раз и навсегда установленного Предками-Творцами миропорядка. Он священен. А экономика неотделима от верований, Мир Сновидений правит миром людей. Отсюда и ценности, воплощенные в бытовом поведении и социальном взаимодействии: «...классические общества аборигенов были совершенно чужды, если не

враждебны, поверхностному гламуру новаторства», «свободны от сомнительного очарования понятия “прогресса”, страстей к конкуренции, наращиванию продуктивности труда, к индивидуалистическим идеалам материального процветания и всему прочему, стимулировавшему развитие европейских цивилизаций» (с. 64–68).

Саттон видит главный изъян книги Паскоу в том, что тот пытается приладить реконструируемые гипотетически формы хозяйственной деятельности аборигенов к тривиальному прокрустову ложу европейской модели экономической жизни, как будто аборигены времен начала колонизации разрабатывали тот же «социально-экономический проект», что и древние европейцы, но только сильно отстали. Здесь можно вспомнить шутку историков советского времени: европейцы варварской эпохи ходили на демонстрации под лозунгом «Да здравствует феодализм — светлое будущее всего человечества!».

Желая продемонстрировать читателю высокие достижения коренных австралийцев, Паскоу, по существу, рисует их задержавшимися в развитии, потому что сам привержен именно европейской идее прогресса. А на самом деле, настаивает Саттон, аборигены создали уникально сбалансированную и чрезвычайно стабильную экономическую культуру, оптимально адаптированную к уникальным условиям пятого континента и представлявшую собой уникальную эволюционную траекторию.

Билл Гэммедж, на которого ссылается многократно Паскоу, предложил такую формулу: «...аборигены занимались земледелием, но не были земледельцами в силу абсолютной приверженности мобильности» [Gammage 2011]. Мне ближе позиция Саттона, опираясь на которую можно было бы сказать, что аборигены не занимались земледелием, хотя не раз имели случай узнать, что это такое, из внешних источников (контакты с земледельцами), причем задолго до того они совершенно самостоятельно поняли, как растут растения, и научились их выращивать; умели они и разводить рыбу, и приручать животных, однако сделали сознательный исторический выбор в пользу охоты, собирательства и рыболовства. Именно такой выбор соответствовал их социальным устоям и духовным ценностям, воплотившим

идеалы экономического равноправия и умеренности потребностей. У тех, кто когда-то впервые вступил на путь производящего хозяйства, должны были быть кардинально отличные социальные нормы и ценностные ориентиры.

Археологические части рецензируемой книги, написанные К. Уэлш, по преимуществу доказывают сомнительность глубоких датировок, которые дает Паскоу для пребывания аборигенов на континенте (чуть ли не 120 тыс. лет) и для начальных этапов различных видов их хозяйственной деятельности. Особое внимание уделено также тому, что некоторые сооружения, приписываемые Паскоу созидательному труду аборигенов, являются нерукотворными. В целом археологические части книги несколько разочаровывают, создается впечатление, что главной целью Уэлш была просто поддержка скептицизма Саттона. В ряде случаев она, указывая на ошибочность хронологии Паскоу, не ссылается на недавние публикации, подтверждающие весьма раннее появление человека в отдельных местах страны и на близлежащих островах, а также не упоминает релевантные новые находки (в частности, на о-ве Роттнест, см., например: [Ward et al. 2016]) и т.п. В некоторых случаях она высказывает не менее сомнительные, чем у Паскоу, утверждения. Например, пишет, что неандертальский генетический материал может использоваться для установления времени «исхода из Африки» людей современного вида (с. 203). Однако многие современные исследователи считают, что невозможно отличить гены, которые люди современного вида получили от неандертальцев путем гибридизации (гипотетической), от генов, доставшихся и тем и другим от общего гоминоидного предка. Археологический материал нуждается в большем числе иллюстраций, чем имеется в книге, да и в лучшем их качестве. «Темный Эму» хорошо иллюстрирован, между прочим.

Есть у меня и то, что можно поставить в упрек Саттону. Местами его скрупулезность и дотошность при верификации данных, приводимых в «Темном Эму», доходят до мелочной придирчивости. К тому же он позволяет вырываться наружу раздражению или обиде. Так, анализируя различные традиционные приемы жизнеобеспечения коренных австралийцев, он бесчисленное количество раз повторяет восклицание

«Это не земледелие!», как будто забывает гвозди в крышку гроба иллюзий Паскоу. Указывая, что Паскоу не знает этнографии, потому что никогда не жил среди аборигенов и не наблюдал их длительно в действии, а по преимуществу пользуется сообщениями ранних путешественников, лишь спорадически соприкасавшихся с аборигенами, сам Саттон в известной мере пренебрегает свидетельствами ранних европейских источников. А между тем в большинстве своем эти источники описывают исчезнувшие культуры Юго-Восточной Австралии, в то время как материалы Саттона и его главных источников относятся преимущественно к культурам севера и центра страны, долгое время сохранявшим ауθενность. Саттон, как и ряд его коллег — полевых антропологов, склонны, на мой взгляд, переоценивать гомогенность культур аборигенов разных районов страны и проецировать на юго-восток данные севера и центра. Однако юго-восток, наиболее благоприятный по природным условиям, был особенно густо населен аборигенами, а демографический фактор мог коррелировать со значительной культурной спецификой. Это нельзя сбрасывать со счетов, и скепсис в отношении ранних источников следовало бы, по моему, умерить.

В заключение отдельно замолвлю слово за «Темного Эму». В последних разделах книги Брюс Паскоу все-таки настойчиво противопоставляет образ жизни и ценности аборигенов образу жизни и ценностям европейцев, пишет о «европейском пути» и «аборигенном пути», настаивает на том, что, не помешай им европейцы, коренные австралийцы создали бы куда более социально справедливую, человечную и экологически щадящую цивилизацию, чем европейцы. Он также призывает современных англо-австралийцев и других выходцев из заоканского мира взять на вооружение культурные достижения аборигенов с целью уберечь и восстановить природные богатства страны. В частности, внедрять в сельскохозяйственное производство эндемичные злаки, корне- и клубнеплоды, перейти к употреблению мяса кенгуру и других автохтонных животных, жизнедеятельность которых не столь губительна для хрупких австралийских почв, как жизнедеятельность овец и коров, и т.п.

Да, книга «Темный Эму» написана писателем и поэтом. Да, она, хотя и опирается на огромное число источников и обширную литературу, непрофессионально трактует многие проблемы, давно досконально исследованные антропологами и археологами, содержит явные преувеличения и даже искажения данных. Но она пронизана горячей скорбью о погубленной культуре и безжалостно прерванной жизни обездоленных, истребленных людей. В ней приводится много собранных по крупицам из малоизвестных публикаций сведений, которые вполне достойны доверия и глубоко впечатляют: примеры умного и бережного взаимодействия с природой, творческого интеллекта, возведенных в норму щедрости и нравственного благородства. И именно они составляют ценность этой книги.

Есть в ней фрагмент, который я не могу не воспроизвести под конец. Паскоу взял его из воспоминаний Чарльза Стерта, одного из английских путешественников, исследовавших внутренние районы Австралии. Он и его партия с трудом продвигались день за днем по казавшейся совершенно бесплодной местности. Изможденные жаждой и голодом, они встретили однажды большую группу аборигенов: «Если бы эти люди были настроены враждебно, нам не удалось бы спастись бегством, <...> мы полностью были в их власти. <...> Но они повели себя с сердечным гостеприимством. <...> Несколько человек принесли нам большие корытца с водой. Когда мы немного отпили, они стали поить наших лошадей. <...> Это было поразительно, потому что, я уверен, что ни один белый человек, который никогда прежде не видал лошадей и не слыхал о них, не приблизился бы к этим столь крупным и пугающе выглядявшим животным. Но аборигены, которым лошади должны были бы показаться монстрами, подошли к ним плотную, прижимая сосуды с водой к груди так, что морды животных, пока они пили, почти прикасались к телам людей. <...> Потом они принесли нам жареных уток и лепешек. А после указали жестами на новую большую хижину, чтобы мы в ней переночевали, и перед входом положили охапку хвороста, чтобы мы могли развести костер. А дров в этой местности почти не было...» [Sturt 1849, 111, цит. по: Pascoe 2014, 75].

Исследования

Артемова 2020 — *Артемова О. Ю.* Культура огня и огонь культуры // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 72–89.

Максимов 1929 — *Максимов А. Н.* Накануне земледелия // Ученые записки Института истории. 1929. Т. 3. С. 21–34.

Gammage 2011 — *Gammage B.* The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia. Sydney et al.: Allen and Unwin, 2011.

Pascoe 2014 — *Pascoe B.* Dark Emu: Black Seeds: Agriculture or Accident? Broome: Magabala Books, 2014.

Jones 1969 — *Jones R.* Fire-Stick Farming // Australian Natural History. 1969. September. № 16 (7). P. 224–228. (Перепечатано: Fire Ecology.

2012. № 8. P. 3–8. URL: <https://doi.org/10.1007/BF03400623> (дата обращения: 10.09.2021).

Peterson 1993 — *Peterson N.* Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity Among Foragers // American Anthropologist. 1993. Vol. 95. P. 860–874.

Sturt 1849 — *Sturt C.* Narrative of an Expedition into Central Australia. London: T & W Boone, 1849.

Ward et al. 2016 — *Ward I., Pietsch T. J., Rhodes I. J., Miller G. H., Hellstrom J., Dortch C. E.* Chronostratigraphic Context for Artefact-Bearing Palaeosols in Late Pleistocene Tamala Limestone, Rottneest Island, Western Australia // Journal of the Royal Society of Western Australia. 2016. Vol. 99. № 1. P. 17–26.

© О. Ю. Артемова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Артемова О. Ю. <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (499) 954-93-43; заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: +7 (495) 973-40-94; e-mail: artemova.olga@list.ru

The Embodied Ideal of Moderation

Olga Yu. Artemova

(N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskii av., Moscow, 119334, Russian Federation; Russian State University for the Humanities: 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation)

Review of: *Sutton P., Walshe K.* Farmers or Hunter-gatherers? The Dark Emu Debate. Melbourne: Melbourne University Press, 2021. 264 p.

Acknowledgements. *The review was written in accordance with the research plan of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.*

Received: November 7, 2021.

Date of publication: November 25, 2021.

For citation: Artemova O. Yu. The Embodied Ideal of Moderation. Review of: Sutton P., Walshe K. Farmers or Hunter-gatherers? The Dark Emu Debate. Melbourne: Melbourne University Press, 2021. 264 p. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 161–168. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.014>

References

Artemova O. Yu. (2020) Kul'tura ognya i ogon' kul'tury [The Culture of Fire and Fire of Culture]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2020. T. 21. No. 4. Pp. 72–89. In Russian.

Gammage B. (2011) The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia. Sydney et al.: Allen and Unwin. In English.

Jones R. (1969) Fire-Stick Farming // Australian Natural History. 1969. September. No. 16 (7). Pp. 224–228. (Reprinted: Fire Ecology.

2012. No. 8. Pp. 3–8. URL: <https://doi.org/10.1007/BF03400623> (дата обращения: 10.09.2021). In English.

Maksimov A. N. (1929) Nakanune zemledeliya [On the Eve of Agriculture]. *Uchenye zapiski Instituta istorii* [Scholarly Notes of the Institute of History]. 1929. Vol. 3. Pp. 21–34. In Russian.

Pascoe B. (2014) Dark Emu: Black Seeds: Agriculture or Accident? Broome: Magabala Books. In English.

Peterson N. (1993) Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity Among Foragers. *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. Pp. 860–874. In English.

Sturt C. (1849) Narrative of an Expedition into Central Australia. London: T & W Boone. In English.

Ward I., Pietsch T. J., Rhodes I. J., Miller G. H., Hellstrom J., Dortch C. E. (2016) Chronostratigraphic Context for Artefact-Bearing Palaeosols in Late Pleistocene Tamala Limestone, Rottneest Island, Western Australia. *Journal of the Royal Society of Western Australia*. 2016. Vol. 99. No. 1. Pp. 17–26. In English.

© O. Yu. Artemova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Artemova <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

E-mail: artemova.olga@list.ru

Tel.: +7 (499) 954-93-43

32a, Leninskii av., Moscow, 119334, Russian Federation

DSc in History, Professor, Senior Research Fellow, Center of Asian and Pacific Studies, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Tel.: +7 (495) 973-40-94

6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation

Vice-Director, Research-Educational Center of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

---

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)